

ФЛЕТЧЕР И ШЕКСПИР

НА СПЕКТАКЛЯХ МИХАИЛ

Донец — засл. арт. Попов,
(«Иеремский священник»).

«Испанский священник» и «Двенадцатая ночь». Флетчер и Шекспир. Современники, «Налирия или как вам угодно» — так называется страна, где разворачивается действие «Двенадцатой ночи», пьесы, сюжет которой заимствован из таинственных новелл эпохи Возрождения. Действие «Испанского священника», — как нетрудно догадаться по названию, — происходит в Испании. Но

как они схожи, эта итальянская Миллиди, шутливо сказочная стриптиз, и калифорнийская Миллиди, как родственники друг другу оба этих праздничных и жизне-радостных спектакли!

Имя Флетчера впервые появляется на
наших экранах.

Зритель, впервые встречающийся с этим драматургом, сразу же оценивает достоинства Флотича, сотный юмор, остроту реалистических характеристик, комедийно-драматургическое мастерство. Но... неслучайно пропавший Флотича, как и других блестящих драматургов пензенского созвездия, забыли творчеством Шевенга. Как достоинства, так и недостатки «Непального священника» (переводенного М. Лодыженским), особенно ясны в сопоставлении с «Двенадцатой ночью».

Обе эти комедии обрушиваются на гогольские лицемерие, кавказкой и еврейской, местных трусливых делин, пустых и чуждых призраков. В обеих комедиях бьет ключом полнокровное подлинное сердце молодого класса буржуазии, новая мораль и «самонадежность» которого ясно проступают сквозь запутанную, отягощенную всякого рода «благородными чувствами» высококоридных героев, интригу.

Режиссура, художники и актеры МХАТ II сумели отлично почувствовать, что основное содержание классических комедий, одухотворенных идеями и чувствами эпохи Возрождения. «Испанский священник» представлял для постановки наибольшую трудность. Если в «Двенадцатой ночи» лирико-героический и комедийный выходы тесно переплетены, то в «Испанском священнике» они с успехом могут быть отделены друг от друга. К тому же в «Испанском священнике» значительно отжила время вся драматическая, вернее сказать, мелодраматическая часть. Распри двух

благородных братьев, между которыми
постоянно коварная и порочная жена
старшего из них—Византия, — не инди-
фересовывает зрители. И прав театр,
когда он всемерно «ужимает» мелодра-
му, стремится цинически охарактери-
зовать ее героев (что, правда, удается
не всегда) и на первый план выдвигает
тех, кто лучше и нагляднее всех
может раскрыть основную идею.

«Пенасекский священник» — деревенский пастирь **Допец** (засл. арт. **Папоа**), пылгуга, зычотынк, обшора, жеполобеч, бекстыдно «стригуний овечек» своей паствы вместе с пономарем **Диого** (арт. **Воски**), — нуужели же этот герой комедии весело «разыгрывающийся» стрипачего Бартолуца, и помогающий соединиться влюбленным, — нуужели же он «положительное лицо»? Нуужели же положительным лицом является и столь же обожравшийся, столь же пьяный, столь же беззаботно «стригуний овечек» и издевающийся над «ближним своим» **Тоби** в «Двенадцатой ночи»? Так веселы, паходичны их шутки, так обаятели их юмор, при всей своей грубости, живодействующий симпатии зрителя, с таким мастерством, наконец, исполняющие эти роли! «Положительное» в этих образах заключено, в том разнообразии отрицательного, на что направлена веселая эбергия этих героев. И когда сар. **Тоби** (засл. арт. **Готовцев**) в содружество с веселыми своими друзьями — служанкой **Марией** (засл. арт. **Гиацинтова**), шутом (арт. **Сбразцов**), садонником **Фабиниом** (арт. **Шахет**) — разыгрывает чванливого кыропка, сара **Эчика** (арт. **Китаев**) и ничтожного ханку **Мачьозмо** (засл. арт. **Азарин**), зритель на стороне сара **Тоби**. Тошно так же, как зритель ощущает в самом последнем «Пенасекского священника», всеми своими поступками и словами опровергающего пацаца бла-

гочестию. — толчок бурной и веселой жизни! И смирительно, в обеих сплетенных расцветавших зрелыми цветами два женских образа — Венера — (звел. арт. Дурасова) и Амурита — (звел. арт. Гиацинтоса), кажда из которых сиртуально утверждает оалит женщины Возрождения, вырывающейся из «возно-той» калены феодалного дома.

Говоря об исполнителях, меньше всего следует заниматься «раздачей отметок». Достаточно сказать, что подавляющее большинство ролей этих комедий пало в МХАТ II на настоящего **талантливого, умного и свежего воплощения**. Не нельзя же назвать имен режиссеров спектаклей — зрел. арт. **С. Г. Гиацинтовой** и **В. В. Готцевца**, инициативно переработавших прекрасную постановку «Дымчатой ночи», и **С. Г. Бирман**, ставившую «Пензенского свиноводника». Лучшим качеством этих комедий — реалистическое их полнокровие, яркость, зрелищность — являлся достойная сценическая передача! Режиссура показала настоящее умение не только бережно выложить лучшее, но и критически отнестись к тому, что уже тронуто временем, что не может **по-настоящему** звучать на нашей сцене и поэтому звучит уже иронически!

Культура и острога замысли комедийного спектакля сжались и в их оформлении. По-настоящему увлеченные зрителя оформители «Двенадцатой ночи», данное известнейшим советским графиком **Фа-еорский**. Сочетание графических, декоративных заливок и аппликаций, каку-быхся как бы окклюзивной травюрой, с замысловатым перемешиванием воздушных черных арок и завитков, с характерными обтисками и костюмами Герцев, — все это придает спектаклю «Двенадцатая ночь» особенное очарование.

«Двадцатую часть» написанную
Шекенциром на рубеже 16-го и 17-го сто-

Амаранта — засл. арт. Гирцинтюва.
(«Испанский свистуны»),

летий, один из английских критиков называл «Препитием с веселостью». На сцене советского театра эта комедия точно так же, как и возрожденный ла-пад суази трехсотлетней, комедии друга и современника Шекспира Флетчера звучит не как прощание с веселостью, а как **новое утверждение веселости, жизнелюбия** — а именно, овладением и вдохновением новой жизнью в литературе последнее.

СНМ. ДРЕВДАН